

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

Сергей Львович Бехтерев

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор исторических наук

E-mail: sergbehterev@yandex.ru

Елена Петровна Богданова

Заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук

E-mail: kafgpd2@mail.ru

Правовая культура Средневековья и проблема становления судебно-исполнительных органов в государствах Камско-Вятского междуречья (VII — первая половина XVI века)

Аннотация: раскрыта исторически обусловленная потребность в отправлении правосудия и исполнении наиболее значимых решений в древних потестарных обществах и средневековых государствах. Актуализация и анализ проблемы осуществлены в контексте правовой культуры народов Камско-Вятского междуречья VII–XVI вв. Имея свои специфические судебно-исполнительные органы, к концу рассматриваемого периода они оказались под юрисдикцией Московского царства, что повлекло за собой унификацию управления и восприятие этническими общинами правовой культуры государствообразующей нации.

Ключевые слова: правовая культура, обычное право, средневековые государства, нормативные правовые акты, судебно-исполнительные органы, Камско-Вятское междуречье.

Sergey Lvovich Bekhterev

Professor of the Department of state and legal disciplines of the Izhevsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Doctor of historical sciences

Elena Petrovna Bogdanova

Head of the Department of state and legal disciplines of the Izhevsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Candidate of legal sciences

The Legal Culture of the Middle Ages and the Problem of Formation of Judicial Executive Authorities in the States of the Kama-Vyatka Interfluve (VII – first half of XVI century)

Annotation: *a historically conditioned need for the administration of justice and execution of the most important decisions in the potestas of ancient societies and medieval states is disclosed. Updating and analysis of the problem carried out in the context of legal culture of the peoples of the VII–XVI centuries' Kama-Vyatka interfluve. With its specific judicial and executive authorities, by the end of the considered period they were under the jurisdiction of Muscovy, which resulted in the unification of management and the perception of ethnic communities the legal culture of the state-forming nation.*

Keywords: *legal culture, customary law, medieval states, normative legal acts, judicial and executive bodies, the Kama-Vyatka interfluve area.*

Потребность в отправлении правосудия и исполнении наиболее значимых решений возникла еще в древних, потестарных, догосударственных обществах. Актуальной эта проблема являлась и для народов Камско-Вятского междуречья, находившихся на разных уровнях общей и правовой культуры¹. Изначально военные вожди со своими лучшими воинами, старейшины племен и жрецы, уважаемые соплеменниками лица осуществляли повседневное регулирование жизни общества, надзирали за порядком, решали бытовые споры, расследовали преступления и исполняли наказания. Вопросы справедливости также решались практически единолично главой рода или вождем племени на основе норм обычного права. Как отмечал отечественный исследователь М. М. Михайлов, «исполнение судебных решений в древнейшие времена не предполагало ни особенных мер, ни особых должностных лиц, назначенных для этого рода деятельности. Пока судья был отец семейства, до тех пор, слова его, приказание было самою сильною мерою. Впоследствии община принуждала обвиненных к исполнению ее судебных решений»².

В эпоху «Великого переселения народов» (II (III) – VII вв.), по мнению ряда ученых, в треугольнике междуречья Вятки, Камы и Волги сложилась военно-потестарная организация удмуртов (аров) и бесермян (чувашей), возглавлявшаяся арскими князьями. К концу I тысячелетия н. э. образовалась южноудмуртская иерархия знати, нижним основанием которой были старейшины родов-воршудов, затем – сотные князья; на вершине пирамиды находился верховный вождь – эксей. Свою нишу имели языческие жрецы – туно, пелляси. Представители знати уже не принимали участия в материальном производстве и специализировались на управлении.

С приходом в VII в. в Среднее Поволжье тюркских булгарских племен южные удмурты и Арская земля стали втягиваться в орбиту влияния сформировавшегося к X в. на основе союза булгар и местных финно-угоров одного из первых государственных объединений Волго-Камья – Волжской Булгарии³. Здесь, как и в большинстве других раннефеодальных государств, еще не существовало властных структур, чья компетенция исчерпывалась бы только

¹ См.: Бехтерев С. Л. «Приписная государственность» как форма административного управления российской провинцией // История государства и права. 2014. № 22. С. 28.

² Михайлов М. М. История образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. СПб., 1848. С. 118.

³ См.: История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. С. 20–22.

принудительным исполнением судебных актов. Такие функции, как отметила О. А. Иванова, осуществлялись представителями военно-административного аппарата болгарских князей-этельберов. Реализация решений по спорам, вытекавшим из публичных отношений, поддерживалась авторитетом сохранившихся органов родового строя. Достижением данного периода стало отделение исполнительных действий от самого решения спора. Споры частных лиц продолжали решаться путем саморасправы¹.

В домонгольскую эпоху народы Камско-Вятского региона контактировали с администрацией Древнерусского государства, в котором функции верховного судьи исполнял Великий князь. В своих действиях он опирался на поддержку князей, возглавлявших восточнославянские племенные союзы, совет старейшин и личную дружину. Суд на местах от имени Великого князя осуществляли наместники.

Одной из важнейших функций верховной власти в этот период стала финансово-хозяйственная, а основной формой зависимости подданных от государства — дань. Главным ее сборщиком выступал сам князь. С ноября по апрель он выезжал с дружиной на полюдье — собирать дань и вершить суд в подвластных ему племенах. К поселенцам, отказывавшимся или не имевшим возможности платить, применялись силовые методы. В одном из ранних памятников отечественной письменности, «Слове о погибели Русской земли», среди народов, дающих дань — бортничавших на князя Владимира Мономаха, перечислены и прикамские этносы². После гибели князя Игоря в походе на древлян в 945 г. его вдова княгиня Ольга провела налоговую реформу, установив «уроки» (фиксированный размер повинности) и «повозы» («погосты») (места своза дани)³.

Во времена правления Ярослава Мудрого (1019–1054) общественные отношения регулировались сводом законов «Русская Правда». В нем был прописан порядок взыскания долгов с несостоятельного должника. Там же упоминались посадниковые или княжеские дружинники — мечники, детские (судебные исполнители), вирники (сборщики вир и продаж с населения), их помощники (отроки, метельники), взыскивавшие судебные пошлины и содействовавшие в получении назад заемного имущества. Перечисленные должностные лица занимались, в основном, исполнением денежных взысканий по решению суда. Их относительная безопасность обеспечивалась высокими уголовными штрафами. В законе оговаривалось также причитающееся вознаграждение за производство процессуальных действий.

Помимо производства взысканий и сбора судебных пошлин вышеупомянутым лицам приходилось обеспечивать явку в суд истцов и ответчиков, вызывать свидетелей, обеспечивать безопасность судей и охранять порядок при разбирательстве дел. За привод ответчика в суд они получали отдельную плату.

После монголо-татарского завоевания в XIII в. (1236 г.) Волжской Булгарии верховенство в вопросах государственного управления перешло к военно-феодалному аппарату Золотой Орды. Однако прежние инструменты управления

¹ См.: *Иванова О. А.* Организационно-правовые основы становления и развития службы судебных приставов в Казанской губернии (1864 — ноябрь 1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 23.

² См.: *Гришкина М. В.* Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. Ижевск, 1994. С. 21.

³ См.: *Аминов И. И., Дедюхин К. Г., Усиевич А. Р.* Профессиональная этика судебного пристава. М., 2014. С. 66.

податным населением были не только сохранены, но и интегрированы в новую систему власти. В ее границах народы Удмуртии находились в составе двух военно-административных и податных округов — Арской и Зюрейской даруг.

Решения феодалов, сосредоточивших функции суда, исполнялись путем военизированной экспедиции. Субъектный состав участников этих действий не определялся. Обычное право монголов действовало субсидиарно по отношению к местным обычаям. На местах функции суда и исполнение вынесенных решений осуществляли тарханы — феодалы, уполномоченные ханом на правление специальными грамотами. Важнейшей задачей суда являлось устранение препятствий, возникавших при сборе дани. Об этом свидетельствуют многочисленные устные предания о следующих после суда расправах в виде удушений виновных лиц и опустошения крестьянских хозяйств. После полного разорения должники закапывались в землю или подвешивались за ноги и оставались в таком положении до тех пор, пока родственники не рассчитаются за них. Насилие над должником сближало методы монголов с институтом правежа, хорошо известным русскому праву. Можно предположить, что это сходство было результатом взаимовлияния русского права и обычного права монголов.

Исламизация Золотой Орды, а затем и сменившего ее Казанского ханства существенным образом изменила систему органов власти. Были созданы суды кадиев и яргучей, разрешавших споры частных лиц на основе мусульманского права. В административном аппарате появились лица, регулярно оказывавшие содействие суду. Главенствующее положение заняли эмиры и хакимы — начальники, сеиды великие. Далее следовали упоминавшиеся уже кадии, а также почетные лица мусульманской общины — мауваля, буквально — «хозяева». Равное с ними положение занимали арбабы — управители улусов. Исполняли решения государственных органов ильчи — курьеры, посланники, уполномоченные лица. Поддержание общественного порядка возлагалось на гузар-бананов (в некоторых случаях — кузер-бананы). Сбор таможенных пошлин осуществляли тамгачи. Продолжали применяться местные обычаи, исполнение которых обеспечивалось органами родового строя — старейшинами (биями).

Обычаи угнетенных народов Волго-Камья (чувашей, черемис, вотяков (удмуртов), мари), замыкавшие имущественные отношения внутри общины, противостояли практике имущественных взысканий монголов в пользу последних. Поскольку обычаи местного населения не были государственным установлением, а вырабатывались практикой общины, то и их фактическое исполнение зависело главным образом от общинной администрации¹.

Собирал ясак (натуральный налог) в пользу хана глава общины — у удмуртов — «торо». Ему помогали зажиточные дворохозяева. В первые годы монгольского завоевания такой порядок не приводил к внутренним конфликтам. Подчинение татарам и имущественные взыскания в их пользу считались обязанностью всей общины. Торо и его помощники регулировали взаимоотношения населения с Ордой. Однако в дальнейшем такие раскладчики и сборщики ясака, сосредоточив в своих руках общинный продукт, превратились в несменяемых должностных лиц и поддерживались представителями хана — баями и мурзами². В местных национальных общинах продолжали бытовать и родовые традиции. Татарские феодалы использовали их в своих интересах.

¹ См.: *Иванова О. А.* Указ. соч. С. 25–26.

² См.: *Очерки истории Удмуртской АССР.* Т. 1. Ижевск, 1958. С. 35.

Привилегированным статусом в золотоордынской управленческой иерархии продолжали обладать арские князья, владевшие уделами в Вотской земле. Их этническая принадлежность остается одной из спорных проблем. Так, известный советский историк А. А. Спицын считал арских князей вотскими князьями — представителями аристократической администрации, установившейся в Казанских областях. Гипотеза была поддержана академиком С. В. Бахрушиным, полагавшим, что арские князья — это отатарившаяся удмуртская знать¹.

Со второй половины XIII в. в бассейне р. Вятка оформилась Вятская феодальная республика, вошедшая в политический союз с Великим Новгородом. Самые ранние сведения о новгородских судебных исполнителях содержатся в берестяных грамотах XII—XV вв., среди должностных лиц выделивших такие, как «ябедник», «детский», «бирич», «дворяно», «приставе», «праведьщик», «сотский». Разные названия судебных исполнителей отразили их различные функции. К примеру, если «детские» осуществляли сбор долгов и участвовали в делах по ложному обвинению высокопоставленных лиц, то «биричи» рассылали судебные повестки — «бирицы», проводили испытания железом, взимали денежные штрафы. Судебные исполнители были представителями княжеской администрации, суда архиепископа («софьяне») и новгородского веча.

Данные о судебных приставах содержатся и в официальных документах Новгородской метрополии, в частности, Новгородской Судной грамоте (далее — НСГ) XV в. Среди судебных чинов наряду с дьяками и писцами Грамота упоминает «приставов», «позовников», «подвойских» и других исполнителей, выполнявших различные функции. Ст. 25 НСГ доверяла быть в приставах «людем добрым», требуя «судити им в правду» после принесения присяги с целованием креста. Судебные приставы обладали достаточно высоким статусом. НСГ предусмотрела суровые наказания для лиц, которые могли оказать сопротивление законным требованиям пристава. Так, ст. 34 в случае уклонения ответчика от суда предписывала: «...взять на него приставы с веча, да имать его в городе и в селе с тыми приставами; а почнет хорониться от приставов, ино его казнить всим Великим Новымгородом». Строго наказывались новгородцы за негостеприимную встречу «позовника» со штрафной грамотой за неявку в суд, воспрепятствование исполнительным действиям на своем дворе, вооруженное или массовое выступление против должностных лиц суда, попытку силой отбить у приставов арестованного и т. п. Деятельность приставов была напрямую связана с взиманием судебных пошлин и исполнением судебных решений. В их обязанности входило и проведение следственных действий.

Подобный порядок исполнения решений органов управления характеризовал и Вятскую Республику. Ее государственный аппарат возглавляло вече, на котором, как и в Новгороде, были представлены все семьи этой земли, подчиненные города и волости, в том числе и арские князья, управлявшие удмуртами. Вече избирало земских воевод и ватаманов, ведавших военными делами, а также подвойских для выполнения судебно-полицейских и административных функций. В сельской местности судебные должности исполняли сотские и старосты².

В последней четверти XIII в. среди многочисленных удельных земель начинает выделяться Московское княжество, которому было суждено стать основой

¹ См.: История Удмуртии: Конец XV — начало XX века. Ижевск, 2004. С. 34.

² См.: Там же. С. 23.

возрождения на новом историческом этапе Российского многонационального государства. Укрепление княжеской власти шло параллельно с формированием централизованной системы управления. Наряду с московскими судебно-административными учреждениями и разъездными судами создавались смешанные — «смесные» суды из представителей центра и местных «лучших людей». Постепенное расширение сферы великокняжеской юрисдикции в XIV в. способствовало упрочению политического авторитета Москвы как столицы объединявшихся русских земель. В середине XV в. «Московская запись о душегубстве» засвидетельствовала, что в удельные владения в Московском уезде стал посылаться великокняжеский пристав, т. е. сыск и дознание перешли в руки Великого князя.

Назначенные Великим князем наместники и волостели помимо управления порученной им территорией ведали и судебными делами на местах. Когда же на наместника поступала обоснованная жалоба, он приглашался для разбирательства в Москву, а при неявке — обвинялся без суда, и пристав великого князя ехал для взыскания в наместничество. В иных случаях тяжущиеся вызывались в суд дворянами и подвойскими.

В судах наместников действовали вспомогательные должностные лица. Набранные из дворовых людей наместника тиуны разбирали тяжбы, доводчики вызывали в суд и вели следствие, праветчики производили взыскание положенных по судебному решению денежных сумм с должника путем «правежа» — ежедневного битья прутьями по ногам неплательщика до полного погашения иска. Доводчикам строго запрещалось самим собирать пошлины и поборы. Назначаемые на год судебные исполнители наместника ведали только закрепленными за ними округами и не имели права ездить по иным волостям и станам.

В это время существовали и суды крупных феодалов, получивших от правительства особые грамоты. Подобные пожалования широко практиковал Великий князь Московский Иван III. Дарованные феодалам «в кормление» территории переходили, как правило, под их судебный контроль.

Постепенная централизация управления привела к сосредоточению судебной власти в столичных инстанциях. В конце XV в. судебными полномочиями обладали Великий князь, Боярская Дума, ответственные «путные бояре» и зарождавшиеся «приказы» — центральные московские ведомства. На местах сохранялся суд наместников и волостелей, однако наиболее серьезные дела передавались на «доклад» Великому князю. Сами наместники не подлежали суду до оставления должности. На наместников, волостелей и их тиунов только в важных уголовных и приказных делах, в которых сам государь велел дать на них зазывную запись, можно было посылать пристава. Существовали также вотчинные суды светских и церковных властителей, обладавших правом судить зависимое население.

К концу XV в. Московское княжество превратилось в Русское централизованное государство. Вошедшие в его состав земли бывших независимых государственных образований на первых порах пользовались некоторыми льготами. К примеру, в 1490 г. при «разводе» Вятки арские князья были возвращены на прежнее место в качестве особо доверенных лиц Ивана III с судебно-исполнительными полномочиями¹.

Принятый в 1497 г. Судебник зафиксировал организацию судебно-административной власти в центре и на местах. В нем упоминались особые судебные

¹ См.: История Удмуртии: Конец XV — начало XX века. Ижевск, 2004. С. 31.

исполнители — «недельщики», излагались их права и обязанности. В отличие от наместничьего доводчика, вызывавшего тяжущихся в местный суд, недельщик нес службу в Москве при государе и при государевых боярах и вызывал в столицу тяжущихся из всех городов и областей по челобитным, поданным государю или боярам. Он исправлял свою должность не постоянно, а только в чередовые недели. Хотя ст. 31 Судебника запрещала недельщикам посылать за себя наемных людей — «урочников», приставы были вправе доверить свои обязанности либо родственникам, либо своим зависимым людям¹. Местные власти обязывались давать им стражу для поимки обвиняемого в уголовном преступлении.

Как правило, пристав, получивший от ответчика письменное обязательство явиться в Москву к назначенному сроку суда, оставлял подлежащего суду на поруки родственников и соседей. Однако если за ответчика не было поручителей, недельщику следовало арестовать его и держать у себя до начала суда. Поиманного же уголовного преступника недельщик должен был везти с собой под караулом в тот суд, от которого был послан. Судебник строго запрещал недельщикам брать взятки за отдачу на поруки, попустительствовать «татам», использовать арестованных в хозяйстве или иным каким образом распоряжаться ими, без ведома судей отдавать на поруки или «продавати» истцу до отработки долга.

Судебным приставам приходилось организовывать проведение судебного поединка — «поля» за особую плату, регулярно отъезжать из столицы для вылавливания «татей» в наиболее беспокойные местности, расследовать преступления на месте их совершения. Законодательно установленные размеры судебных пошлин должны были препятствовать поборам недобросовестных исполнителей. Дважды посетивший Россию в первой трети XVI в. С. Герберштейн в своих «Записках о московитских делах» отметил: «...Недельщик есть до известной степени общая должность для тех, кто зовет людей на суд, хватает злодеев и держит их в тюрьмах; и недельщики принадлежат к числу благородных»². В целом, действия судебных приставов в этот период не сильно отличались от производства взысканий в более ранние времена, однако их деятельность становится подконтрольной центральному аппарату.

К 1558 г. Камско-Вятское междуречье оказалось под юрисдикцией Московского царства. Унификации подверглась и судебно-исполнительная система. Продолжился процесс восприятия этническими общинами правовой культуры государствообразующей нации.

Пристайный библиографический список

1. Аминов, И. И. Профессиональная этика судебного пристава / И. И. Аминов, К. Г. Дедюхин, А. Р. Усиевич. — М : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. — 239 с.

2. Бехтерев, С. Л. «Приписная государственность» как форма административного управления российской провинцией // История государства и права. — 2014. — № 22. — С. 27–31.

3. Герберштейн, С. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокосский. Книга о московитском посольстве / С. Герберштейн; пер. А. И. Малеина. — СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1908. — 383 с.

¹ См.: Судебник 1497 года // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М., 1990. С. 48.

² Герберштейн С. Записки о московитских делах. Павел Иовий Новокосский. Книга о московитском посольстве / пер. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 84.

4. Гришкина, М. В. Удмурты. Этюды из истории IX–XIX вв. / М. В. Гришкина. — Ижевск: Удмуртия, 1994. — 168 с.

5. Организационно-правовые основы становления и развития службы судебных приставов в Казанской губернии (1864 — ноябрь 1917 г.): дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Иванова. — М., 2004. — 217 с.

References

1. Aminov, I. I. Professional'naja jetika sudebnogo pristava [Professional Ethics of the Judicial Police Officer] / I. I. Aminov, K. G. Dedjuhin, A. R. Usievich. — М. : JuNITI-DANA, 2014. — 239 p.

2. Behterev, S. L. «Pripisnaja gosudarstvennost'» kak forma administrativnogo upravlenija rossijskoj provinciej [“Bonded Statehood” as a Form of Administrative Management of the Russia Province] // Istorija gosudarstva i prava. — 2014. — № 22. — P. 27–31.

3. Gerbershtejn, S. Zapiski o moskovitskih delah. Pavel Iovij Novokomskij. Kniga o moskovitskom posol'stve [Notes on Muscovite Affairs. Paul Jovi Novakoski. Book on Muscovite Embassy] / S. Gerbershtejn; per. A. I. Maleina. — SPb. : Izd. A. S. Suvorina, 1908. — 383 p.

4. Grishkina, M. V. Udmurty. Jetjudy iz istorii IX–XIX vv. [Sketches from the History of the IX–XIX Centuries] / M. V. Grishkina. — Izhevsk: Udmurtija, 1994. — 168 p.

5. Organizacionno-pravovye osnovy stanovlenija i razvitija sluzhby sudebnyh pristavov v Kazanskoj gubernii (1864 — nojabr' 1917 g.): dis. ... kand. jurid. nauk [Organizational and Legal Bases of Formation and Development of the Bailiffs Service in the Kazan Province (1864 — November 1917)]: Dis. ... candidate of law / O. A. Ivanova. — М., 2004. — 217 p.